

Дата публикации: 10 января 2020

DOI: [10.5281/zenodo.3601629](https://doi.org/10.5281/zenodo.3601629)

Исторические науки

К ТЕОРЕТИЧЕСКИМ АСПЕКТАМ СООТНОШЕНИЯ ИСТОРИИ И ПОЛИТИКИ, ПРОШЛОГО И НАСТОЯЩЕГО УЗБЕКИСТАНА

Асадова Шоира Иноятовна¹

¹Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
Институт истории Академии наук Республики Узбекистан

Аннотация

Целью статьи является обозначение некоторых важных, общеметодологических вопросов исторической науки Узбекистана, главным образом, ее взаимосвязи с обществом, политикой, идеологией, а также тесной связи исторического прошлого и современности.

В статье рассмотрены теоретические и методологические вопросы исторической науки Узбекистана на современном этапе ее развития. Автор подчеркивает что методология исторической науки представляет собой сложный по содержанию комплекс проблем. Также отмечается, что историческая наука отличается от многих других дисциплин, главным образом, пристальным вниманием к собственной истории. Она располагает большим объемом аккумулируемой научной информации, требующей системного теоретического изучения. Методология исторической науки рассматривается как одна из необходимых условий совершенствования исследовательских работ. Так же, большое внимание уделено результативности и социальной полезности исторической науки к которому проявляет заинтересованность само общество.

Автором показаны совершенствование стиля научного мышления, которые отразились в способах видения проблем прошлого, стандартах изложения научных знаний - то есть на всем том, что входит в круг научной методологии.

В статье смысл исторической конъюнктуры прослежено через труды одного из идеологов младобухарского движения А.Фитрата, и других представителей интеллектуальных кругов Туркестана и Средней Азии, в том числе И.Ибрат, М.Кори, М.Чокай, акцентировавшие внимание на важности использования в модернизации общества достижений мировой культуры и науки.

Ключевые слова: история, Узбекистан, методология, прошлое, настоящее.

I. ВВЕДЕНИЕ

Общеизвестно, что методология исторической науки представляет собой не только сложный по содержанию комплекс проблем, но и недостаточно разрабатываемое историографией проблемно-тематическое направление.

Нет необходимости доказывать, что историческая наука отличается от многих других дисциплин, главным образом, пристальным вниманием к собственной истории. Она располагает большим объемом аккумулируемой научной информации, требующей системного теоретического изучения. А сами историки проявляют устойчивый интерес к методологическим проблемам научного познания как по причине их же «методологической инертности», так и потому, что методология является одним из необходимых условий совершенствования исследовательских работ. И, конечно же, к результативности и социальной полезности исторической науки проявляет заинтересованность само общество.

II. МЕТОДОЛОГИЯ

В статье использованы принцип ценностного подхода, историко-генетический, историко-типологический, компаративистский культурно-антропологический и междисциплинарные методы исследования.

III. ОБСУЖДЕНИЕ

В контексте исследуемых в настоящей статье аспектов, прежде всего нельзя не сказать, что историческая наука вполне естественно «подвержена» исторической конъюнктуре [2]. Задаваясь вопросом, - чем для Узбекистана является историческая конъюнктура, сформулируем следующую обобщенную «формулу». В процессе своего общественно-исторического развития узбекскому народу предстоит полностью осознать, а затем реализовать на практике задачи духовно-просветительского, нравственного определения смысла Жизни и смысла Истории [3].

Данный процесс, имеющий как объективно-онтологический, так и прагматический смысл, «приводит в движение» принципиально новые для республики идейные конструкты - независимость, суверенитет, собственный путь развития, возрождение духовно-нравственных ценностей, рыночные реформы, политическая либерализация, демократия и т.д. Без их практического воплощения невозможно с высоких идеалистических позиций говорить о существовании нации, как таковой. Иными словами, без переосмысления и категориальной переоценки собственного исторического прошлого народ Узбекистана в условиях динамично меняющегося мира не сможет не только развиваться, но и, по большому счету, полноправно существовать - наравне с другими членами международного сообщества.

Вышеприведенный посыл можно подкрепить положениями основоположника немецкой классической философии Г.В.Ф.Гегеля (1770-1831): «История совершается в духовной сфере...» и «субстанциональным [в контексте Истории] является дух и ход его развития» [4]. Несколько в ином ракурсе, но практически в том же смысловом ключе ранее и позднее Г.В.Ф.Гегеля говорили отечественные историки и просветители Узбекистана. Так, яркий представитель передовой мысли Туркестана начала XX века М.Бехбудий в ряде публикациях неоднократно поднимал вопросы истории, бытия, исторического просвещения и образования.

В одном из своих сочинений, по времени относящемся к 1914 году, он высказал не потерявшую своей актуальности и практической значимости мысль: «Надо изучать историю, чтобы знать о народах отсталых и прогрессивных, о государствах-завоевателях и об исчезнувших правительствах, чтобы быть уведомленным о причинах исчезнувших и побежденных пророков, религий и народов.

Надо изучать историю, чтобы знать - каким образом развивалось и росло мусульманство и почему ныне мусульмане пришли в упадок? И что составляет возможности и средства для самоутверждения и прогресса?». То есть, как писал М.Бехбудий, «чтобы познать Мир, чтобы быть совершенным и счастливым, надо читать и знать историю» [5].

Смысл исторической конъюнктуры также можно проследить в трудах одного из идеологов младобухарского движения А.Фитрата. Сетую на крайнее невнимание и невежественное отношение к историческому прошлому со стороны представителей мусульманского духовенства и просветительства, он отмечал: «...около двухсот лет уже прошло, ... как бухарские ученые стали заниматься только чтением написанных на полях книг объяснений (значений) слов..., они дошли в этих бесполезных занятиях до того, что совершенно забыли о названиях полезных наук» [6]. Фактически, А.Фитрат вел речь о необходимости модернизации знаний, использования позитивного научного опыта в протекавших на тот момент общественно-политических, социально-экономических и духовно-культурных процессов.

Аналогичные либо схожие точки зрения в отношении взаимосвязи истории и современности высказывали некоторые другие представители интеллектуальных кругов Туркестана и Средней Азии, в том числе И.Ибрат, М.Кори, М.Чокай, акцентировавшие внимание на важности использования в модернизации общества достижений мировой культуры и науки. По их мнению, в условиях XX века необходимо было выйти из состояния отсталости и культурной изоляции, создать соответствующие предпосылки для обретения независимости [7]. В этом, очевидно, и состоит смысл «исторической конъюнктуры». Каждое поколение людей «по-новому» и «по-своему» осмысливает собственный исторический путь, что называется, «с высоты прожитых лет». Однако некоторые ученые отождествляют историческую конъюнктуру с конъюнктурой политической. Хотя, в принципиальном отношении последняя применительно к истории, как к науке вряд ли должна иметь однозначно отрицательный смысл. Являясь легитимным выразителем своего социума, любая политическая система, в общем-то, «в праве» оценивать и переоценивать историческое прошлое предшествующих систем, внося необходимые изменения в традиционный, казалось бы, уклад общественных отношений [8].

Все это вместе взятое должно сказываться на качестве стиля научного мышления, способах видения проблем прошлого, стандартах изложения научных знаний - то есть на всем том, что входит в круг научной методологии.

Однако, как отмечали Д.Алимова и Э.Каримов, «в сфере отечественной исторической и других общественных наук накопилось немало нерешенных проблем, особенно в методологической работе. Принято считать, что историк-исследователь, как правило, слишком поглощен своими специальными вопросами, чтобы всерьез заняться более общими и широкими проблемами исторического познания, которыми, дескать, должны заниматься методологи и социологи. Но надлежащих кадров у нас еще нет, и никто из историков пока не осмеливается брать на себя решение вопросов методологического характера» [1].

IV. РЕЗУЛЬТАТЫ

Целью статьи является обозначение некоторых важных, на наш взгляд, общеметодологических вопросов исторической науки Узбекистана, главным образом, ее взаимосвязи с обществом, политикой, идеологией, а также тесной смычки исторического прошлого и современности.

На примере России и отчасти Туркестанского края начала XX века можно проследить, как происходило тесное переплетение политической и исторической мысли. Наблюдалась не только политизация исторической науки (мысли), но и «историзация» политико-идеологической борьбы [9]. Неотъемлемым атрибутом политической полемики было апеллирование к историческому опыту, интерпретировавшемуся различными политическими кругами, конечно же, по-своему.

Вследствие этого усиливались различия между понятиями «историческая наука» (профессиональная деятельность) и «историческая [не научная] мысль» (практически любые высказывания и обывательские оценки прошлого) [10].

Представляется, что политики «имеют право» оперировать «историческими формулами», а историки - давать оценки общественно-политическому развитию нации, расстановке политических сил, их взаимовлиянию и, в конечном счете, воздействию политического процесса на общество, равно как и на формирование новых историко-политических концепций и соответствующих методологических воззрений. Другое дело, что между «объективностью» и «субъективизмом» существует весьма тонкая грань. Преступив ее однажды, можно вольно или невольно начать манипулировать историческими фактами, формулировать далекие от истины «исторические конструкции», обслуживающие сиюминутные политические цели.

Историческая наука, очевидно, не может оперировать так называемым принципом «политкорректности», применяемым в реальной политике, потому что он может стать «инструментом бесконечного переписывания» истории и заведомых спекуляций в политике. А, значит, в сути своей история может стать антинаучной и даже антиобщественной категорией. Наверняка, принцип «политкорректности» в истории «требует» замалчивания/сглаживания многих исторических событий, смягчения остроты общественных проблем. Насколько это необходимо? Не заденет ли это чувств отдельных (этнических, религиозных и иных) групп населения [11]? Тем более, как писал известный французский историк М.Блок, «когда отблески страстей прошлого смешиваются с пристрастиями настоящего, реальная человеческая жизнь превращается в черно-белую картину» [12]. Между тем, задача исследователя, по М.Блоку, состоит в том, чтобы «просто понять человека прошлого», то есть абстрагироваться от соблазна перенести историю на современные реалии [13].

В свою очередь очевидной представляется корреляция прошлого и современности, в отношении чего британский историк А.Тойнби, использующий в исследовательской практике одновременно исторический и политический дискурсы, писал: «Когда изучаешь историю ушедших поколений, приходится мысленно воскрешать эти мертвые поколения в своем воображении. Представить себе, какими они были в жизни, можно только по аналогии с тем, что мы знаем о живых, то есть о наших современниках. По этой причине совершенно необходимо, чтобы всякий историк стоял одной ногой в современной истории, независимо от того, устремлен ли его научный взор в эпоху создателей пирамид или эпоху позднего палеолита... Если бы одновременно с «Обзорами» [14] я не писал «Постижение истории» [15], я был бы лишен самого эффективного инструмента, который был нужен мне для умственной реконструкции давно умерших обществ» [16]. Приведенные точки зрения убеждают, что линии «прошлое-современность» и «история-политика» в определенном смысле достаточно тесно взаимосвязаны и, очевидно, имеют общую смысловую нагрузку. Что это означает?

1. В общесистемном виде современность можно квалифицировать как политику (текущий политический момент), подразумевающую взаимоотношения между элитными и общественными группами, борьбу за власть, экономические, культурно-образовательные, научные, социальные и иные стратегии, отношения внутри социума и т.п. Политика, как известно, определяет текущее и дальнейшее развитие конкретных сообществ, а история - отражает политику прошлого.

2. Как история отражает политику прошлого и формирует «идеологию современности», так и текущая политика, собственно, выстраивает отношение социума к прошлому, к бытию и духовности, преломляя все это через призму не только конкретных реалий, но и исторической реминисценции, вытекающей из современных реалий.

3. Между современностью/политикой и историей/прошлым существует система ценностных, гносеологических и многих иных коррелятивных отношений, включая ментально-психологические, идейно-духовные и организационно-функциональные связи, объективно необходимые для диалектики и практики. Историзм, познаваемость, объективность, активность творческого отображения действительности и т.п. принципы познания являются сутью указанных выше взаимоотношений, основополагающим моментом которых выступает тезис, что общество, накапливая в ходе своего исторического развития огромные пласты материальной и духовной культуры - своеобразных «носителей» результатов познания, выступает в качестве познавательного субъекта [17].

Некоторые исследователи выступают против политизации и идеологизации исторической науки [18]. Однако отсутствие политико-идеологических компонентов, несмотря на безусловную вредность их «тоталитарных» форматов и содержания, сужает функциональную нагрузку истории, сводя ее задачи к банальной фиксации, описанию фактов и событий прошлого в их логической последовательности. Но ведь история как наука посредством исследовательской практики формирует национальное самосознание и за счет «отделения зерен от плевел» в историческом фокусе объективно способствует возвращению духовности, гражданственности, патриотизма. То есть всего того, что конструирует национальную идею. И историческая наука, и историческое образование утверждают в сознании людей определенную идеологию, преломленную, помимо прочего, через призму прошлого.

С одной стороны, если подходить к истории как к комплексу научно-мировоззренческих знаний, то это выглядит, в общем и целом, правильно. Однако в данном случае речь идет о включении исторической науки в систему государственной политики.

С другой стороны, историческая наука, несмотря на вышеуказанную позицию, принадлежит к разряду так называемых «идеологических дисциплин». От качества интерпретации исторических фактов зависит не только текущее состояние дел в политике, экономике, культуре и т.д., но и, собственно, перспектива развития, духовно-нравственного прогресса конкретного этноса (нации)/государства/сообщества людей.

В этой связи представляется, что нынешняя оценка реалий «научной и общественной ориентации» исторической науки не может быть оформлена вопреки знанию об обществе и происходящих в нем тенденций [19]. На этом фоне нонсенсом выглядят некоторые зарубежные характеристики, не учитывающие переходного состояния общества и самой исторической науки. Одни утверждают, что современная наука развивается в условиях полного развала прежнего коммунистического режима и является оплотом «антинаучных сил» [20]. Другие склонны полагать, что историческая наука «обслуживает» нынешние режимы [21]. А с точки зрения третьих авторов, «лучшей частью» исторической науки являются ее «марксистско-ориентированные разработки» [22].

Рассматривая данный аспект в более объемной плоскости (с учетом опыта прошлого и задач нынешнего этапа), очевидной представляется предельно широкая корреляция по условной и в данном случае сугубо теоретической линии: «история - идеология - политика - история - ...» [23]. Если говорить об Узбекистане, то во многом эта «линия» объясняет сущность современного периода развития республики в условиях национально-государственной независимости. Осуществлением «естественного пересмотра», казалось бы, устоявшихся в предшествующие годы духовно-исторических ценностей реализуется важная функция - «историческая коррекция» нации на долгосрочную перспективу [24].

Общеизвестно, что после распада СССР народы бывших республик Средней Азии и Казахстана (Центральная Азия) столкнулись с серьезными проблемами. Помимо социально-экономической и культурно-гуманитарной сфер, имеющих особую остроту и несомненную практическую значимость, к ним следует отнести проблемы политического характера, в том числе национализм, местничество и т.п. В отдельных странах региона это привело к дестабилизации (события 2005 г. в Кыргызстане) и даже трагическим последствиям (гражданская война в Таджикистане). Существовавшая в бытность СССР идеология компартии или, как еще ее принято называть идеология тоталитарного режима, «подчиняла» решение практически всех вопросов, включая национальную политику, экономическое, социально-культурное развитие и т.д.

Развитие так называемых «национальных республик» осуществлялось по единому шаблону, унифицировавшему, а, по сути, размывавшему самобытность многочисленных «советских» этносов и народов. Безусловно, накануне распада союза эти вопросы весьма обстоятельно дебатировались в широких научных кругах [25]. Однако советское обществоведение оказалось «не в силах» переломить (либо скорректировать) необратимые процессы середины 1980-х годов в рамках так называемой «перестройки» [26].

Идеология как общественное явление и в общетеоретическом смысле наука об идеях и путях их реализации в условиях истории постсоветского периода представляет собой важнейший практический конструкт, способный дать необходимую ориентировку оказавшимся в «идеологическом вакууме» этнокультурным сообществам. Заполнение возникшей после распада союза «идеологической ниши» выполняло ключевую задачу - возникновение национальной идеи, способной сплотить все этносы, проживающие в стране. Причем, осуществить это необходимо было не только в предельно короткие сроки, но и исключая «классовый подход» и «концепцию единообразия». То есть речь идет о формулировании исторически оправданной идеологии, ключевая роль в которой отводится исторической науке. Цена вопроса состоит не только в извлечении уроков прошлого для решения актуальных задач современности, но и в самом «выживании нации». В тех условиях перед исторической наукой Узбекистана стояли задачи по воссозданию исторической памяти народа, необходимой, прежде всего, для его самосознания, самопознания и общенародного единства. В этом контексте отечественная научная историческая мысль призвана стать одним из элементов идеологии национальной независимости республики, отражающей основные цели народа и связывающей в единую «ткань» его историческое прошлое, настоящее и будущее.

Внимание развитию духовности и изучению истории в Узбекистане уделяется с самых первых лет независимости. Однако поворотным моментом в развитии отечественной историографии стало хорошо известное Постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан «О совершенствовании деятельности Института истории Академии наук Республики Узбекистан» (1998), позволившее начать перестройку всей научно-исследовательской работы в области исторических знаний в соответствии с требованиями времени, реальными потребностями народа, страны и государства.

V. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подытоживая сказанное выше, отметим, что предмет соотношения истории и политики, прошлого и настоящего остается недостаточно разработанной научной проблемой. Осмысление этих вопросов историографами и историками Узбекистана позволит не только конкретизировать сущность переживаемого страной текущего момента, но и организовать научно-исследовательскую работу в соответствии с национальной идеологией и социально-политическим заказом по созданию ясной и правдивой истории республики, формулированию оценок ее нынешнего этапа и обоснования дальнейшего развития в соответствии с концептуальной идеей: «Узбекистан - государство с великим будущим».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алимова Д., Каримов Э. О задачах отечественной исторической науки в Узбекистане на современном этапе // Алимова Д.А. История как история, история как наука: В 2-х т. /Т. 1: История и историческое сознание. Ташкент: Узбекистан, 2008. С. 24-25.

2. См., напр.: Тартаковский М. Историософия: Мировая история как эксперимент и загадка. М.: Прометей, 1993. 333с.; Хайдеггер М. Время и бытие: Ст. и выст. М.: Республика, 1993. 444с.; Манхейм К. Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994. 700с.; Ясперс К. Смысл и назначение истории.- М.: Республика, 1994. 527с.; Философия истории: Антология. М.: Аспект-пресс, 1995. 300 с.; Хабермас Ю. Демократия, разум, нравственность: Московские лекции и интервью. М: Academia, 1995. 245с.; Тойнби А. Постижение истории / Пер. с англ. Е.Жарков. М.: Прогресс, 1996. 607 с.; Маритен Ж. Знание и мудрость. М.: Научный мир, 1999. 243 с.; Данто А. Аналитическая философия истории / Пер. с англ. А.Никифоров, О.Гавришина. М: Идея-Пресс, 2002. 407с.

3. В данном случае слово «Жизнь» пишется с заглавной буквы, т.к. обозначает не биологическую жизнь, а бытие, материальное и духовное состояние нации, тогда как «История» - в связи с тем, что речь идет о хронологии и народной памяти, обращенной в прошлое. Многозначность понятия «история» в свое время была рассмотрена Е.Карром, А.Гулыгой и др. исследователями. См.: Carr E.H. What is History? L., 1961; Гулыга А. История как наука // Философские проблемы исторической науки: Сб. М., 1969. С. 5-12.

4. Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. С.-Пб.: Наука, 1993. С. 70.

5. Бехбудий М. История и география // Ойна. 1914.- № 27. Цит. по: Алимова Д., Рашидова Д. Махмудходжа Бехбудий и его исторические воззрения. Ташкент, 1998. С. 35.

6. Фитрат А. Рассказы индийского путешественника (Бухара, как она есть). Ташкент, 2007. С. 11.

7. См.: Ражабова Д. Проблемы молодежи и женщин в воззрениях джадидов Туркестана (Конец XIX - начало XX вв.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ташкент, 2003; Турсунов Р. Воззрения национальных прогрессистов на социально-экономические процессы в Туркестане в начале XX века: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ташкент, 2008; Абдуллаев Р. Проблемы модернизации традиционного общества и национальная интеллектуальная элита Туркестана в начале XX века: Взгляд из Ташкента // Информационно-аналитический центр МГУ / http://www.ia-centr.ru/expert/2453/#_ftn11.

8. В данном контексте см., напр.: Вандалковская М. П.Н.Милюков, А.А.Кизеветтер: История и политика / Отв. ред. И.Ковальченко. М.: Наука, 1992. 288с.; и др.

9. Речь идет об использовании достижений исторической науки в конкретных политических целях. Разумеется, некорректно огульно утверждать, что «политизация» в то время представляла собой однозначно заданное манипулирование историческими фактами, а «историзация» - подгонку сведений о прошлом под конкретные политические процессы, хотя это, безусловно, в ряде случаев и имело место.

10. Если говорить об исторической, ненаучной, мысли, то, в принципе, нет ничего предосудительного в циркуляции тех или иных оценок, суждений, точек зрения на конкретные исторические события. Другое дело, что, помимо необходимости проведения границы между «профессиональной» (научной) и «бытовой» (обывательской) Истории, важно, чтобы последняя не выступала в качестве целенаправленного «политического инструмента». Оторванная от научных методов исторического познания, она способна дезориентировать социум, внести сумятицу в общественно-политические отношения, создать долгосрочные устойчивые риски.

11. См.: Февр Л. История или политика? // Февр Л. Бои за историю: Сб. тр. / Пер. с фр. М.: Наука, 1991. С. 54-62; Тош Д. Стремление к истине: Как овладеть мастерством историка / Пер. с англ. М.: *Весь мир*, 2000. 296 с.; Копосов Н. Как думают историки. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 205 с.

12. Блок М. Апология истории или ремесло историка / Пер. с фр. М.: Наука, 1986. С. 77.

13. См.: Там же. С. 60-82.

14. Речь идет о ежегодных «Обзорах международных событий» (Survey of International Affairs, 1924-1957), которые А.Тойнби готовил, будучи сначала консультантом британского Форин-оффиса (МИД Великобритании), а затем директором Королевского института международных отношений (Четем-хаус).

15. См.: Тойнби А. Дж. Постигание истории / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1991. 736 с.

16. Тойнби А. Пережитое // Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории: Сб. тр. / Пер. с англ. М.-С.-Пб., 1995. С. 256.

17. В разрезе вопроса о взаимоотношениях прошлого и современности, политики и истории см. след. общетеорет. и публ. мат-лы: Сорокин П. Человек, цивилизация, общество. М.: Политиздат, 1992. С. 156-175; Момджян К. Социум, общество, история. М.: Наука, 1994. 230 с.; Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект-пресс, 1998. 220с.; Алимova Д. Наука требует объективности // Народное слово. 2003. 6 марта; Ее же. Право на объективность // Народное слово. 2006. 7 октября.

18. См.: Сахаров А. Отечественная историография: Западные оценки и наша реальность // Россия в XX веке: Историки мира спорят. М., 1994. С. 56-60; Его же. Новая политизация истории или научный плюрализм (О некоторых тенденциях в мировой историографии истории России XX в.) // Россия в XX веке: Судьбы исторической науки. М., 1996. С. 80-90; Емельянов Ю. История в изгнании: Историческая периодика русской эмиграции (1920-1940-е годы). М.: Русская панорама, 2008. 494 с.

19. См., напр.: Сахаров А. О новых подходах в российской исторической науке // История и историки: Историографический вестник: 2002 / Отв. ред. А. Сахаров / Ин.-т рос. истории РАН. М.: Наука, 2002. С. 3.

20. См.: Искендеров А. Историческая наука на пороге XXI века // Вопросы истории. М., 1996. № 4. С. 5.

21. См., напр.: Дезер М. Крайности истории и крайности историков // Крайности истории и крайности историков?: Сб. ст. М., 1997. С. 145-156.

22. См.: Ковальченко И. Теоретико-методологические проблемы исторических исследований: Заметки и размышления о новых подходах // Новая и новейшая история. М., 1995. № 1. С. 44-47.

23. Разумеется, в данном случае речь не ведется о «сугубой политизации» процесса научно-исторического творчества, равно как и о самой Истории. Очевидно, правомерно будет утверждать, что политика в том или ином виде, скорее всего, должна определять основные направления развития обществоведения, включая его составную часть - историческую науку. В этом отношении см. информацию: Национальная идеология - основа будущего // Пресс-служба Президента Республики Узбекистан / <http://2004.press-service.uz/rus/rechi/r04062000.htm>.

24. См.: Гуламова Д. Общечеловеческие и национальные ценности: Симбиоз или исключительность? // O'zbekiston tarixi. 2008. № 1. С. 65-73.

25. См., напр., материалы, изданные по итогам дискуссий и конференций в Институте истории АН Узбекистана: История и историография национально-освободительных движений второй половины XIX-начала XX века в Средней Азии и Казахстане: Сб. Ташкент: Фан, 1989; Проблемы истории республик Средней Азии и Казахстана в 40-50-е годы [XX в.]: Сб. Ташкент: Фан, 1989; Современные проблемы развития рабочего класса Узбекистана: Сб. Ташкент: Фан, 1989; Социально-экономические проблемы Узбекистана в условиях перестройки: Сб. Ташкент: Фан, 1990; Аминова Р. Актуальные проблемы социального развития в Узбекистане в условиях перестройки. Ташкент: Фан, 1991; Узбекистан: Страницы истории. Ташкент, 1991; и др.

26. Общие вопросы см.: // Двадцать лет перестройке: Эволюция гуманитарного знания в России / Мат-лы межд. научн.-образоват. форума. М.: РГГУ, 2005. 430 с. (В том числе в этом сб. см.: Борисов Н. Перестройка в Средней Азии: Случай Узбекистана. С. 115-121).

ON THE THEORETICAL ASPECTS OF THE RELATIONSHIP HISTORY AND POLITICS, PAST AND PRESENT OF UZBEKISTAN

Asadova, Shoira Inoyatovna¹

¹PhD in Historical Sciences, Senior Researcher,
Institute of History of Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan

Abstract

The aim of the article is to identify some important, general methodological issues of the historical science of Uzbekistan, mainly its relationship with society, politics, ideology, as well as the close connection of the historical past and present.

The article discusses the theoretical and methodological issues of the historical science of Uzbekistan at the present stage of its development. The author emphasizes that the methodology of historical science is a complex of content problems. It is also noted that historical science differs from many other disciplines, mainly by close attention to its own history. It has a large amount of accumulated scientific information that requires systematic theoretical study. The methodology of historical science is considered as one of the necessary conditions for improving research. Also, much attention is paid to the effectiveness and social usefulness of historical science, to which society itself is interested.

The author shows the improvement of the style of scientific thinking, which was reflected in the ways of seeing the problems of the past, the standards for the presentation of scientific knowledge - that is, on everything that is included in the circle of scientific methodology.

The article traces the meaning of historical continuity through the works of one of the ideologists of the young Bukhara movement A. Fitrat and other representatives of intellectual circles of Turkestan and Central Asia, including I. Ibrat, M. Kori, M. Chokai, who emphasized the importance of modernizing society in the sphere of world culture and science.

Keywords: History, Uzbekistan, methodology, past, present.

REFERENCE LIST

Alimova, D., Karimov, E. (2008). On the tasks of domestic historical science in Uzbekistan at the present stage Alimova D.A. History as history, history as science: In 2 volumes / T. 1: History and historical consciousness. Tashkent: Uzbekistan, pp. 24-25. (In Russian)

See, for example: Tartakovsky, M. (1993). Historiosophy: World History as an Experiment and Enigma. M.: Prometheus, 333 p. (In Russian); Heidegger, M. (1993). Time and Being: Art. and vyst. M.: Republic, 444 p.; Mannheim, C. (1994). The diagnosis of our time. M.: Lawyer, 700 p. (In Russian); Jaspers, C. (1994). The meaning and purpose of history. M.: Republic, 527 pp. (In Russian); Philosophy of History: Anthology. (1995). M.: Aspect-press, 300 p. (in Russian);

Habermas, J. (1995). Democracy, reason, morality: Moscow lectures and interviews. M: Academia, 245 p (in Russian).; Toynbee, A. (1996). Comprehension of History / Transl. from English E. Zharkov. M.: Progress, 607 p. (in Russian); Mariten, J. (1999). Knowledge and wisdom. M.: Scientific world, 243 p. (in Russian); Danto, A. (2002). Analytical Philosophy of History / Transl. from English A. Nikiforov, O. Gavrishina. M: Idea Press, 407 p. (in Russian)

In this case, the word "Life" is capitalized, because denotes not biological life, but being, the material and spiritual state of the nation, while "History" - due to the fact that we are talking about chronology and folk memory, turned into the past. The ambiguity of the concept of "history" was once considered by E. Karr, A. Guligoy and other researchers. See: Carr, E.H. (1961). What is history? L. (In English); Gulyga, A. History as a Science (1969). // Philosophical problems of historical science: Sat. M., pp. 5-12 (in Russian).

Hegel, G.V.F. (1993). Lectures on the philosophy of history. S.-Pb.: Science, p. 70.

Behbudiy, M. (1914). History and geography // Oina. - No. 27. Cit. by: Alimova, D., Rashidova, D. (1998). Mahmudhodja Behbudiy and his historical views. Tashkent, p. 35. (In Russian)

Fitrat, A. (2007). The stories of an Indian traveler (Bukhara, as it exists). Tashkent, p. 11. (In Russian)

See: Razhabova, D. (2003). Problems of youth and women in the views of the Jadids of Turkestan (Late XIX - early XX centuries): Author. diss. ... cand. East. sciences. Tashkent, (In Russian); Tursunov, R. (2008). The views of national progressives on socio-economic processes in Turkestan at the beginning of the twentieth century: Abstract. diss. ... cand. East. sciences. Tashkent, (In Russian); Abdullaev, R. The problems of modernization of traditional society and the national intellectual elite of Turkestan at the beginning of the twentieth century: A look from Tashkent // Information and Analytical Center of Moscow State University / http://www.ia-centr.ru/expert/2453/#_ftn11.

In this context, see, for example: Vandalkovskaya, M.P.N., Milyukov, A.A. (1992). Kizevetter: History and Politics / Otv. ed. I. Kovalchenko. M.: Nauka, 288 p.; and etc.

It is about using the achievements of historical science for specific political purposes. Of course, it is incorrect to swearly assert that "politicization" at that time was an unambiguously specified manipulation of historical facts, and "historicization" was the fitting of information about the past to specific political processes, although this, of course, did take place in a number of cases.

If we talk about historical, unscientific, thoughts, then, in principle, there is nothing reprehensible in the circulation of certain estimates, judgments, points of view on specific historical events. Another thing is that, in addition to the need to draw a line between "professional" (scientific) and "everyday" history, it is important that the latter does not act as a purposeful "political tool". Torn away from scientific methods of historical knowledge, it is capable of disorienting society, introducing confusion into socio-political relations, and creating long-term sustainable risks.

See: Febvre, L. (1991). History or politics? // February L. Fights for the history: Sat. tr / Per. with fr. M.: Nauka, pp. 54-62; Tosh, D. (2000). The pursuit of truth: How to master the skill of a historian / Per. from English M.: The whole world, 296 p.; Koposov, N. (2001). As historians think. M.: New Literary Review, 205 p. (In Russian)

Block, M. (1986). Apology of history or craft of the historian / Per. with fr. M.: Nauka, p. 77.

See: Ibid. pp. 60-82. (In Russian)

We are talking about the annual "Survey of International Affairs" (Survey of International Affairs, 1924-1957), which A. Toynbee prepared, being first a consultant to the British Foreign Office (UK Foreign Ministry), and then director of the Royal Institute of International Affairs (Chetem House) .

See: Toynbee, A.J. (1991). Comprehension of History / Transl. from English M.: Progress, 736 p. (In Russian)

Toynbee, A. (1995). Survived // Toynbee A.J. Civilization before the court of history: Sat. tr / Per. from English. S. Pb., 256 p.

In the context of the question of the relationship between the past and the present, politics and history, see next. general theoretician. and publ. Materials: Sorokin, P. (1992). Man, civilization, society. M.: Politizdat, S. 156-175; Momjian, K. (1994). Society, society, history. M.: Nauka, 230 p.; Parsons, T. (1998). The system of modern societies. M.: Aspect-press, 220 p.; Alimova, D. (2003). Science requires objectivity // People's word. March, 6; Her. The Right to Objectivity (2006). // Popular word. October 7th. (In Russian)

See: Sakharov, A. (1994). Domestic historiography: Western estimates and our reality // Russia in the XX century: world historians argue. M., pp. 56-60; His own. A New Politicization of History or Scientific Pluralism (On Some Trends in World Historiography of Russian History of the 20th Century) (1996). // Russia in the XX century: the fate of historical science. M., pp. 80-90; Emelyanov, Yu. (2008). History in Exile: The Historical Periodicals of Russian Emigration (1920-1940s). M.: Russian panorama, 494 p. (In Russian)

See, for example: Sakharov, A. (2002). On new approaches in Russian historical science // History and Historians: Historiographic Bulletin/ Otv. ed. A. Sakharov (2002). / In.-t. History of the Russian Academy of Sciences. M.: Nauka, p. 3. (In Russian)

See: Iskenderov, A. Historical science on the threshold of the XXI century // Questions of history. M., 1996. No. 4. p. 5. (In Russian)

See, e.g.: Deser, M. (1997). Extremes of history and extremes of historians // Extremes of history and extremes of historians?: Sat. Art. M., pp. 145-156. (In Russian)

See: Kovalchenko, I. (1995). Theoretical and methodological problems of historical research: Notes and reflections on new approaches // New and modern history. M., No. 1. pp. 44-47.

Of course, in this case we are not talking about "purely politicization" of the process of scientific and historical creativity, as well as about History itself. Obviously, it will be legitimate to assert that politics in one form or another, most likely, should determine the main directions of development of social science, including its integral part - historical science. In this regard, see the information: National ideology is the basis of the future // Press service of the President of the Republic of Uzbekistan / <http://2004.press-service.uz/rus/rechi/r04062000.htm>.

See: Gulamova, D. (2008). Universal and National Values: Symbiosis or Exclusivity? // O'zbekiston tarixi. No. 1. pp. 65-73. (In Russian)

See, for example, materials published following discussions and conferences at the Institute of History of the Academy of Sciences of Uzbekistan: History and historiography of national liberation movements in the second half of the 19th and early 20th centuries in Central Asia and Kazakhstan (1989): Tashkent: Fan,; Problems of the History of the Republics of Central Asia and Kazakhstan in the 40-50s [XX Century] (1989): Sat. Tashkent: Fan,; Modern problems of the development of the working class of Uzbekistan: Sat. Tashkent: Fan, 1989; Socio-economic problems of Uzbekistan in the context of perestroika (1990) .: Sat. Tashkent: Fan,; Aminova, R. (1991) (In Russian). Actual problems of social development in Uzbekistan in the context of perestroika. Tashkent: Fan,; Uzbekistan: Pages of History. Tashkent,; and etc.

For general questions, see: // Twenty Years of Perestroika: The Evolution of Humanitarian Knowledge in Russia (2005). / Mat.-ly int. scientific education forum. M.: RGGU, 430 p. (Including in this collection see: Borisov N. Perestroika in Central Asia: The Case of Uzbekistan. pp. 115-121).